

Ю. В. Горячева, С. В. Князев, С. К. Пожарицкая
(МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва)

**СООТНОШЕНИЕ ИНИЦИАЦИИ, ФОНАЦИИ И АРТИКУЛЯЦИИ
КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЧЕВОЙ БАЗЫ ДИАЛЕКТА
(на материале говора д. Деулино)¹**

Южнорусский (точнее, юго-восточный русский) говор д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. находится в фокусе интересов диалектологов-фонетистов так же давно, как и севернорусский говор Харовского р-на Вологодской обл. Но если фонетика харовского говора поражает слух носителя литературного произношения прежде всего своими сегментными особенностями (такими, например, как неполное смягчение согласных и многообразие тембральных характеристик гласных), то «экзотика» деулинского говора заключается прежде всего в распределении длительностей гласных в составе слова — настолько своеобразном, что при первом прослушивании смысл сказанного не всегда легко воспринимается, а это уже целиком относится к области просодии. Одной из самых ярких особенностей этого рода является «парадоксальное сочетание процессов наращения вокалических пазвуков и выпадения этимологических гласных» [Кодзасов 2000: 92]. В принципе ритмическая схема слова деулинского говора, выраженная в соотношениях по длительности гласных разных слогов [Высотский 1973], сходна со средне-русской двухступенчатой схемой редукции и представляет собой как бы резко утрированный ее вариант с увеличенной длительностью гласного 1-го предударного слога, возможным продлением гласных заударных слогов и существенно сокращенной длительностью гласного 2-го предударного слога. По-настоящему же выходит за рамки возможного в литературном произношении наращение гласных в конце некоторых слов, длительность и тембральная определенность которых часто достигает характеристик гласного ударного слога (напр. *пайд'ома, съмаіма, знаіша, іха, у н'ейа, ад'іна* и т. п. — полный список подобных слов приводится ниже, а весь материал с контекстами — в приложении в конце настоящей работы).

Наращение гласных в конце слов, оканчивающихся на согласные, известно и в севернорусских [Касаткин 1996], и в украинских говорах [Залесский 1986]. Однако характер этого явления в северных (архангельских и тверских) и южных (Рязанских) говорах столь очевидно раз-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Нидерландской организации по научным исследованиям (NWO), грант № 047.011.2005.017.

личен, что Л. Л. Касаткин, пытаясь найти ему объяснение в истории древнерусских редуцированных² и прибегая к сопоставлению севернорусских говоров с болгарскими и украинскими, не использует сведений из деулинского говора, которые уже были представлены к тому времени в опубликованных работах Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1977], Р. Ф. Пауфошима [Пауфошима 1977], [Пауфошима 1999], В. Н. Чекмонаса [Чекмонас 1993].

А. Н. Залесский склонен связывать «нефонематические» гласные в конце слов украинских говоров с просодическими факторами³, такое объяснение представляется более перспективным для анализа явления, наблюдаемого в говоре д. Деулино. Просодическое своеобразие (а именно, «продление» гласных в некоторых безударных слогах слова) в соседних с Деулиным рязанских говорах впервые было отмечено Е. Ф. Будде [Будде 1896] и позднее описано Н. М. Каринским [Каринский 1938].

Большой объем материала поступил в распоряжение фонетистов в связи с работой над «Словарем современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.)», которая осуществлялась в 60-е годы XX века группой сотрудников Института русского языка АН СССР под руководством И. А. Оссовета; впоследствии Деулино посетили Р. Ф. Пауфошима и В. Н. Чекмонас. Высокое качество произведенных ими магнитофонных записей сделало возможным, во-первых, инструментальную проверку аудиторских наблюдений, и, во-вторых, анализ интересующих нас фактов в масштабе синтагмы и фразы, что представляется совершенно необходимым для адекватной интерпретации интересующего нас явления. Мы благодарим сотрудников Отдела фонетики ИРЯ РАН за предоставленную нам возможность воспользоваться этими материалами в данной работе.

Р. Ф. Пауфошима (Касаткина) [Пауфошима 1977, Русские народные говоры 1999] рассматривает ритмическую структуру говора д. Деулино (в сопоставлении с говорами Вологодской и Владимирской групп) в связи с особенностями структуры слога и ударения в разных типах говоров и упоминает нефонематические «гласные пазвуки» на конце слов наряду с гласными вставками в консонантных сочетаниях, не выделяя их в специальный объект исследования.

Объектом исследования В. Н. Чекмонаса [Чекмонас 1993] послужило варьирование длительности так называемых «фонологических»

² «По-видимому, конечное *o* в формах существительных, в глагольных формах и других словах объясняется одним и тем же — сохранением конечного гласного, бывшего редуцированного» [Касаткин 1996: 252]; «Слабые редуцированные в сильных фразовых позициях могли сохраняться как особые гласные в эпоху, когда в слабых фразовых позициях они уже перестали произноситься, а позднее они могли изменяться в гласные полного образования» [Касаткин 1996: 253].

³ «Факультативний голосний виступає тільки в тих словах, які у фразі відрізняються з-поміж інших інтонаційно, логічним наголосом або взагалі вимовляються з емпазою» [Залесский 1986: 56].

гласных в структуре слова. Особенности распределения их длительностей в разных слогах слова он связывает с местом слова в структуре «интонационного единства» или с «фразовой интонацией с ее подчеркиванием отдельных морфем или целых слогов» [Высотский 1949: 33]. Существование «нефонологических» гласных или «гласных пазвуков», которые встречаются на конце слов и представляют собой яркую фонетическую особенность говора, В. Н. Чекмонас отмечает, но специально этим не занимается.

Поиск глубинных основ фонетических явлений, которые могут заключаться в особенностях артикуляционной базы диалекта, начатый С. С. Высотским, был продолжен С. В. Кодзасовым, который, в свою очередь, обратился к говору д. Деулино. С. В. Кодзасов обратил внимание на тот факт, что фонетические различия между диалектами могут быть обусловлены не только особенностями фонологической системы или артикуляционной базы говора, но и более тонкими и глубокими их характеристиками — такими, как 1) распределение слов по просодическим классам на основании комплекса троичных просодических признаков (раствор гласного, тип завершения гласного, горизонтальное положение языка в ротовой полости, вертикальное положение гортани, общая динамическая структура слова и др.)⁴, и 2) специфические свойства **речевой позы** говора [Кодзасов 2000].

Понятие речевой базы, лежащее в основе настоящего исследования, является более широким, чем понятие артикуляционной базы, которая включает особенности, связанные только с одним (артикуляционным) этапом речепроизводства. С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова отмечали, что наряду с артикуляционными необходимо учитывать и фонационные особенности того или иного языка: «Возможно, разным языкам свойственны несколько различных нейтральные позы голосовых связок, т. е. артикуляционная база языка характеризуется не только специфическим укладом надгортанных органов, но и особым положением голосовых связок. Хотя различия между языками в этом отношении не должны быть значительными, тем не менее они могут быть значимыми для всей системы ларингальных признаков — как сегментных, так и интонационных» [Кодзасов, Кривнова 1977: 184]. Мы считаем, что для описания определенных фонетических явлений и фонетических систем в целом могут быть значимыми и особенности, связанные с инициацией (и организацией речевого дыхания). Таким образом, под речевой базой далее понимается характер координации артикуляции, фонации и инициации в процессе речепроизводства.

---

⁴ Те же особенности характеризуют и современный русский литературный язык (СРЛЯ); тем не менее проявляются они на материале СРЛЯ далеко не так ярко — вследствие значительной его кодификации и стандартизации. Подробнее о так называемой «скрытой» или «второй» фонетике, открытой С. В. Кодзасовым, см. [Кодзасов 1989]; [Кодзасов 1995]; [Кодзасов 1996б].

Проблема дистрибуции «процессов наращенния вокалических пазвуков и выпадения этимологических гласных» в говоре д. Деулино получила в работе С. В. Кодзасова убедительное решение в терминах принадлежности конкретного слова к классу плавных / нейтральных / рубленых слов: «Эти процессы... связаны с влиянием на сегментную структуру слова маркированных значений просодического признака “общая динамика”. Избыточная вокализация связана с “плавностью” слова... Однако особенностью этих процессов является то, что они до сих пор не приобрели статуса регулярных законов и их действие в значительной степени зависит от ритмики слова, от его позиции во фразе, от темпа речи и, наконец, от грамматического класса слов» [Кодзасов 2000: 92]. Однако в исследовании С. В. Кодзасова, как и в других, посвященных данной проблеме, не анализируются те особенности деулинского говора, которые делают возможным само появление нефонологических гласных в позиции конца фонетического слова. Основной задачей нашей работы было продолжить исследование нефонологических гласных деулинского говора в направлении, определенном С. В. Кодзасовым, с целью восполнить этот пробел, а также высказать некоторые новые соображения относительно связи появления нефонологического гласного с особенностями фонетической системы говора.

Обзор имеющегося у нас корпуса слов (а он сформирован в результате сплошного прослушивания диалектных текстов общим объемом 6 часов 20 минут и близок к исчерпывающему) полностью подтверждает следующие наблюдения С. В. Кодзасова: «Наиболее показательны наращенния в конце слов после сонорных и фрикативных... Но эти формы встречаются также (особенно не в конце синтагмы) и без вокалических наращенний» [Кодзасов 2000: 92]. И далее: «Примечательно также, что местоименные формы и наречия с характеристикой “плавный” превращают пазвук в постоянную часть слова — *тама, совсема, иха, с нима, к нейа*. Очевидно, это связано с высокой употребительностью этих форм» [Кодзасов 2000: 93]. Примеры наращенния гласных после конечных согласных в нашем материале:

- после [м]: *брóс'има, зач'исл'има, пр'ин'ис'эма, б'уд'има* (2), *пайд'ома, дайд'ома, паддахн'ома, абуш'има, пр'иход'ма, утрáт'има, пры'уаимъ, знáйма, н'и'жыма, натóп'има, сажáйма, п'ир'арóйма, нуудáйма, л'эсамъ, лóмъ, лóмамъ, маткóмъ, уул'óмъ, п'м'алóмъ, мáтамъ, сьма-íмъ, сьмаíма, н'íма, нáмъ, нáма* (много), *íма* (много), *тáма* (много);
- после [л]: *д'элалъ, б'ыль, ж'ыль, л'ажáль* (2), *пай'эхалъ*;
- после [ш]: *пр'икрóиша, знáиша, в'ид'ыша, пры'уаишь, хóч'ыша, ви-тáиша, б'удишь, будиша, зáмуша, ч'óша, ч'аóша* (2);
- после [х]: *н'íха, т'эха, íха* (регулярно), *эт'ха, так'íх*;
- после [j]: *у н'эйа, этайъ, мнойа, ступáйа, л'уд'эйа* (2);
- после [н]: *ад'íна, óнъ*;
- после [м']: *с'эм'и*;
- после [в']: *маркóв'и* (Им. ед.);
- после [н'т']: *чаó-н'т'а*.

Характер этого материала как будто бы свидетельствует о распределении вокалических пазвуков в зависимости не только от просодических свойств определенных лексем и грамматических форм, но и от типа конечного согласного (что несомненно, поскольку здесь полностью отсутствуют шумные смычные согласные и [р] и почти не представлены мягкие); следует помнить, однако, о том, что частотность разных согласных в речи связана с частотностью тех лексем или грамматических форм, которые они завершают: так, например, в парадигме спряжения представлены только два конечных твердых согласных: [ш] и [м] (в южнорусских говорах [т'] в 3-м лице глаголов мягкий); в парадигме склонения — [ф] (род. мн.), [м] (тв. ед. и дат. мн.), [х] (предл. мн.); в парадигме местоимений — [j], [м], [х].

Среди явлений, нуждающихся в дальнейшем исследовании, можно отметить и такую яркую особенность, демонстрируемую нашим материалом: в глагольных формах на [-м] в положении после краткого безударного [и] (верхнего подъема) в качестве гласного пазвука выступает только долгий гласный определенного тембра [а] (*брос'има, зач'исл'има, буд'има, з'д'елаима, абуш'има, утрат'има, прыгаимъ, знаима, буд'има, н'ижыма, натоп'има, сажсаима, н'ир'ароима, пуаима*), в то время как в падежных формах после безударного долгого [а] (нижнего подъема) — только краткий гласный неопределенного тембра [ъ] (*л'есамъ, матамъ, ломамъ*). Эта закономерность явно напоминает главный принцип диссимилиативного вокализма — компенсационные отношения по длительности гласных соседних слогов. Осциллограмма и динамическая спектрограмма слов [абуш'има] (*обучим*, с полным нефонологическим гласным [а]) и [суул'ом^б], [сл'эсам^б] (*с углём, с лесом* — с кратким [ъ]-образным пазвуком) в произношении Е. А. Корнюшиной приведены на рисунке 1.

В диалектологической литературе неоднократно отмечалось, что нефонологические элементы, как звонкие (вокалические пазвуки), так и глухие («придыхание», «шепотные гласные», «энергичный длительный взрыв»), в деулинском говоре встречаются преимущественно в конце синтагмы. На рисунке 2 в качестве иллюстрации этого факта приведены осциллограмма и динамическая спектрограмма слова *понесём* в конце синтагмы с нефонологическим гласным в конце слова и без этого гласного в неконечной позиции.

Сплошной просмотр материала показывает, что эти нефонологические элементы наиболее частотны в позиции конца неконечной синтагмы в нарративных (не диалогических) текстах, то есть в положении, которое в говоре дер. Деулино часто маркируется специфическим пограничным (терминальным) тоном⁵ на отрезках, следующих за фразовым акцентом любого типа, в том числе нисходящим. Подобные синтагмы с нефонематическими конечными гласными завершаются обычно

⁵ О пограничных тонах см. подробнее [Pierrehumbert 1980].

не на низком уровне тона, а на среднем или даже высоком (последнее, естественно, особенно часто отмечается после восходящего акцента). Из общего количества в 67 примеров с нефонологическими гласными, встретившихся в исследованных нами текстах, лишь 10 (то есть 15%) составили случаи внутри синтагмы, а из 57 оставшихся 49 (или 86%) приходится на конец неконечной синтагмы и лишь 8 (14%) — на завершение конечной синтагмы.

На рисунке 3 в качестве иллюстрации приведены осциллограмма, интонограмма и динамическая спектрограмма синтагмы *Так-то хватко не едим* из фразы *Так-то хватко не едим — старухи, так-то хватко не едим* в произношении Е. М. Избенниковой, неграмотной, 1901 года рождения (запись И. А. Оссовецкого, июнь 1963 г.) с пограничным (средним ровным) тоном в конце неконечной синтагмы и нефонологическим гласным в конце слова *едим* (слева) и без пограничного тона и — соответственно — без подобного гласного в той же синтагме в конечной позиции во фразе (справа).

На рисунке 4 приводятся осциллограмма, интонограмма и динамическая спектрограмма неконечной синтагмы *Да хвою-то мы и без учения знаем*, произнесенной с пограничным (ровным) тоном в конце неконечной синтагмы и нефонологическим гласным [а] в конце слова *знаем* (шифр А-402 по каталогу Отдела фонетики ИРЯ РАН).

Вокалические пазвуки часто фиксируются в словах без заударных слогов с фразовым акцентом на ударном — в этом случае пограничный тон может быть реализован только на конечном сонорном согласном или нефонематическом гласном. Если же эти гласные фиксируются в словах с заударным гласным, то, как уже отмечалось выше, чем короче заударный гласный, тем дольше и отчетливее нефонологический пазвук, необходимый для реализации пограничного тона.

Итак, можно утверждать, что основными факторами, способствующими появлению нефонологических гласных в конце слова, являются: 1) принадлежность данного слова (данного грамматического класса слов) к разряду плавных [Кодзасов 2000]; 2) положение его в конце неконечной синтагмы; 3) наличие на нем пограничного тона; 4) наличие синтагматического акцента на данном слове (тем самым ударный, а иногда и заударный гласный (при его наличии) оказываются заняты этим акцентом); 5) отсутствие заударных слогов (или краткий заударный гласный); 6) положение после носового или фрикативного (реже — после плавного).

Пограничные тоны или «фразовые завершители», реализующиеся на заударных слогах слов, несущих фразовый акцент, на материале архангельских (верхнепинежских и верхнетоемских) говоров были описаны в работе П. С. Кузнецова [Кузнецов 1949]. Инструментальный анализ показал, что неконечная синтагма в этих говорах организована таким образом, что максимум (или, по меньшей мере, некоторый всплеск)

интенсивности часто приходится на конечный заударный слог; причем такому динамическому контуру с максимумом в конце обычно соответствует и повышение тона к концу синтагмы⁶ [Князев, Левина, Пожарицкая 1997: 200–201].

Аналогичное просодическое оформление регулярно наблюдается и в говоре д. Деулино, причем именно в этих позициях и встречаются чаще всего конечные нефонологические гласные, которых в тех же самых просодических условиях в верхнепинежских и верхнетоемских говорах не наблюдается. Наша гипотеза, позволяющая объяснить этот факт, заключается в том, что говоры эти различаются особенностями речевой базы, связанными с соотношением основных компонентов речевого производства — инициации, фонации и артикуляции — на границах просодических составляющих.

В современной фонетике считается, что на определенном этапе речевого производства происходят события, связанные с завершением построения смысловых фрагментов разной степени самостоятельности. Эти события могут маркироваться особым оформлением конечной части той или иной просодической единицы [Кривнова 2007а]. Мы считаем, что одним из маркеров этого рода может служить соотношение основных компонентов речевого производства — инициации, фонации и артикуляции, точнее, координация времени их завершения в конце просодических составляющих, являющаяся одним из важнейших компонентов речевой базы диалекта. Координация целевых артикуляций в процессе построения моторной программы высказывания (коартикуляция) в настоящий момент в фонетике исследована с очень большой степенью подробности, вопросам же координации инициации, фонации и артикуляции до сих пор уделялось не так много внимания. Тем не менее очевидно, что разные диалекты, а также и литературные языки, в этом отношении могут различаться весьма значительно.

Соотношение момента начала фонации относительно конца артикуляции (смычной части) согласного (*Voice Onset Time, VOT*) используется для характеристики согласных по сегментным признакам {глухой / звонкий} или {напряженный / ненапряженный} ({*fortis / lenis*}). Соотношение момента конца фонации и/или инициации относительно конца артикуляции (смычки) согласного может быть использовано для характеристики согласных по сегментному признаку {имплозивный / эксплозивный}. Так, например, литературные английский, французский и русский языки отличаются друг от друга тем, что в первом звонкие смычные (например, носовые) согласные в конце синтагмы являются импло-

---

⁶ Общеизвестно, что частота основного тона связана с интенсивностью: повышение подсвязочного давления ведет к увеличению разницы давлений над и под глоттисом и, соответственно, к повышению частоты основного тона [Кодзасов, Кривнова 1977: 186].

живными (фонация и инициация прекращаются до конца артикуляции), во втором — эксплозивными (фонация и инициация прекращаются после конца артикуляции), а в третьем данный параметр не контролируется жестко (возможны и те, и другие, а также разновременное прекращение фонации и инициации относительно конца артикуляции).

Соотношение фонации и артикуляции может быть существенно и для описания границ просодических составляющих. Так, в современном русском литературном языке «завершающая фаза финального гласного может включать акустические признаки завершения синтагмы / интонационной фразы трех разных типов: для первого типа $V + ?$ характерно наличие нескольких (2–3) гортанных взрывов-хлопков, следующих непосредственно за сегментом гласного; гласные второго типа $V + F_0$ завершаются “хвостовым” сегментом, в котором отчетливо представлен только основной тон сигнала; завершающая фаза в третьем типе $V + V^>$ представлена сегментом малой интенсивности с достаточно сложной формой волны... Выделенные типы финальных гласных $V + ?$; $V + F_0$; $V + V^>$ распределены дополнительно относительно пауз разной длительности и тональных показателей ритмико-интонационного членения... — реализация физических пауз разной длительности осуществляется с использованием различных механизмов прерывания (прекращения) фонации. Паузы малой длительности... реализуются, скорее всего, при помощи медиального сжатия гортани (ларингализации)... Паузы большей длительности реализуются, скорее всего, при разведении голосовых связок и являются физическим рефлексом интонационно-паузальных процедур говорящего. Различия в акустической картине, в том числе и в длительности гласных типов $V + F_0$ и $V + V^>$, которые встречаются перед длительными паузами, могут быть объяснены различиями в величине подсвязочного давления (косвенный показатель — динамический уровень гласного) и степени напряженности голосовых связок (косвенный показатель — тональные характеристики гласного)» [Кривнова 2007а: 38–39].

Состояние гортани в момент начала речепроизводства может быть описано следующим образом: «Движения артикуляторов разворачиваются на фоне их исходного состояния (“нейтральной позиции”), принимаемого говорящим непосредственно перед актом речи. Нейтральная позиция, в отличие от позиции спокойного дыхания, характеризуется поднятием мягкого нёба... продвижением тела языка вперед-вверх (кончик языка при этом опущен), сведением голосовых связок и созданием внутрилегочного давления, превышающего атмосферное... При отсутствии существенного сужения в голосовом тракте воздушное давление в нем равно атмосферному, и воздушный поток, обусловленный разницей давлений под и над голосовыми связками, вызывает их автоматические колебания без специальной перестройки из нейтральной позиции (“спонтанное озвончение”). При наличии существенного сужения спонтанное

озвончение невозможно, т. к. давление над связками увеличивается из-за задержки воздуха в голосовом тракте, и разница давлений становится недостаточной для возникновения автоматических колебаний связок при их нейтральном положении. Чтобы при таком сужении озвончение было возможно, нужна специальная перестройка голосовых связок сравнительно с нейтральной позицией (изменение степени натяжения, формы и положения)» [Кодзасов, Кривнова 1981: 25]. При этом «реализация глухих согласных связана с действием определенных механизмов, подавляющих “спонтанное озвончение” и приводящих к переходу гортани от состояния речевой позы к какому-то другому состоянию» [Кодзасов, Кривнова 1977: 200]. Сведения о механизме выведения гортани из этого положения далеко не так полны — о соотношении инициации с артикуляцией и фонацией, то есть, о положении артикулирующих органов и голосовых связок (и черпаловидных хрящей) в момент начала и / или конца инициации известно не так много.

Инициация (создание в речевом тракте воздушного потока) является базовым элементом речепроизводства и представляет собой один из элементов речевого дыхания, организация которого относится к наименее изученным аспектам порождения речи. В современной фонетике долгое время была принята точка зрения, согласно которой дыхание пассивно подстраивается под интонационные паузы, которые возникают в процессе развертывания высказывания по независимым от потребностей дыхания причинам. По мнению О. Ф. Кривновой, эта точка зрения требует уточнения, поскольку формирование рациональных стратегий текстообразования не может не учитывать оптимальных условий функционирования дыхательного механизма [Кривнова 2007б: 427].

Итак, одной из особенностей речевой базы деулинского говора может быть специфическая координация процессов, связанных с инициацией, фонацией и артикуляцией **на границах дыхательных групп**.

В конце неконечных синтагм в исследуемом говоре гортань не выводится из состояния речевой позы (связки сведены), а для осуществления вдоха, необходимого для произнесения следующей синтагмы, необходимо быстро выдохнуть воздух, все еще находящийся в легких. Этот выдох вызывает колебание голосовых связок, так как для гортани, находящейся в состоянии речевой позы, озвончение может сохраняться при весьма незначительных значениях перепада ΔP (разницы между подсвязочным и надсвязочным давлением) [Lindquist 1972]. Данная особенность может быть поддержана также необходимостью реализации пограничного тона (ровного на среднем или высоком уровне), маркирующего незавершенность высказывания. Поддержание такого тона требует увеличения интенсивности выдоха и способствует увеличению скорости воздушного потока через глоттис и — соответственно — возникновению вибрации голосовых связок. Артикуляция же может при этом варь-

ироваться от [и] / [ь]-образной после палатализованных согласных до [а] / [ъ]-образной после твердых и зависит от свойств предшествующих согласного и гласного.

В тех случаях, когда соблюдается лишь одно условие (выдох при разведенных связках, например, при отсутствии необходимости поддерживать пограничный тон) наблюдается то, что в литературе описывается как «глухие» или «шепотные» гласные, «придыхание». После конечных глухих взрывных согласных вокалические пазвуки чаще всего отсутствуют, поскольку при их произнесении надсвязочное давление значительно больше, чем при артикуляции сонорных или щелевых согласных и, соответственно, гораздо меньше значение ΔP .

В завершении конечных во фразе синтагм, где в деулинском говоре отсутствуют пограничные тоны, маркирующие незавершенность высказывания, исходный механизм образования гласных пазвуков может быть, по-видимому, и иным. В подобных случаях речевой тракт, естественно, выводится из состояния речевой позы. При этом, как отмечает С. В. Кодзасов, «Деулино относится к числу говоров с речевой базой типа “сокращенная глотка — широкий рот”» [Кодзасов 2000: 90], а уменьшение глоточного резонатора является следствием того, что при речепроизводстве «в качестве нейтрального состояния стало использоваться высокое положение гортани» [Кодзасов 2000: 90]. В абсолютном конце высказывания поднятая гортань опускается в нейтральное положение, и это может приводить к образованию вокалического сегмента — общеизвестно, что подобный артикуляционный жест (опускание гортани) может использоваться для предотвращения оглушения (долгих) смычных согласных, обусловленного недостаточным потоком воздуха через глоттис, поскольку оно приводит к уменьшению надсвязочного давления и увеличению ΔP [Кодзасов, Кривнова 1977: 186–187]. Осциллограмма, интонограмма и динамическая спектрограмма фразы *Набегли, говорит, не весть кольки народу — шум!*, произнесенной с восходяще-нисходящим акцентом на слове *шум* и разомкнутым согласным с гласным призвуком в конце фразы (диктор — М. П. Ткачёва, неграмотная, 1887 г. р.; запись И. А. Оссовецкого, июнь 1963 г.) приведены на рисунке 5.

В заключение отметим, что значительные различия между информантами в исследуемом явлении могут быть связаны с индивидуальными различиями в характере организации речевого дыхания: «Главным фактором, который влияет на организацию речевого дыхания... является стратегия интонационного паузирования диктора, для которой характерна тенденция к реализации темпоральных пауз после каждой клаузы в предложении. Но эта достаточно ярко выраженная тенденция взаимодействует с когнитивными характеристиками дикторов, которые влияют не только на интонационное паузирование, но и на способ организации дыхания» [Кривнова 2007б: 442].

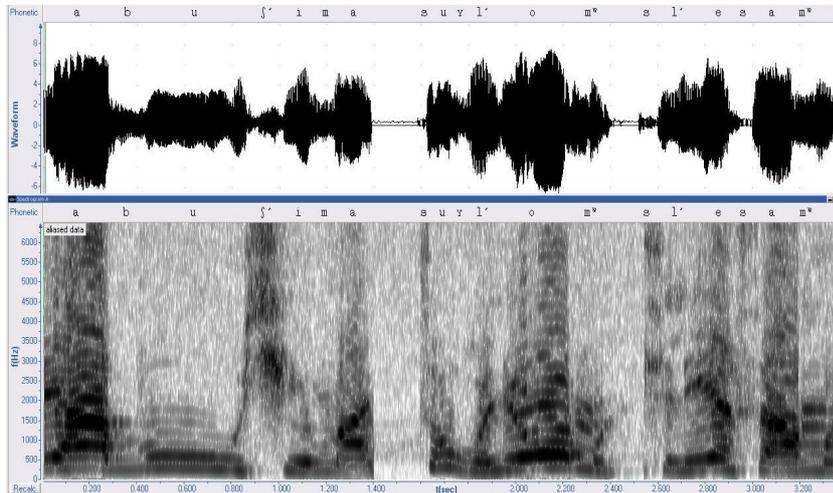

Рисунок 1.

Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слов [абúш'има] (*обучим*, с полным нефонологическим гласным [a]) и [суул'óm^b], [сл'ésам^b] (*с углём, с лесом* — с кратким [ъ]-образным пазвуком) в конце слов. Диктор Е. А. Корнюшина 1883 г. р., неграмотная; запись И. А. Оссовецкого, июнь 1963 г.; шифр А-387 по каталогу Отдела фонетики ИРЯ РАН.

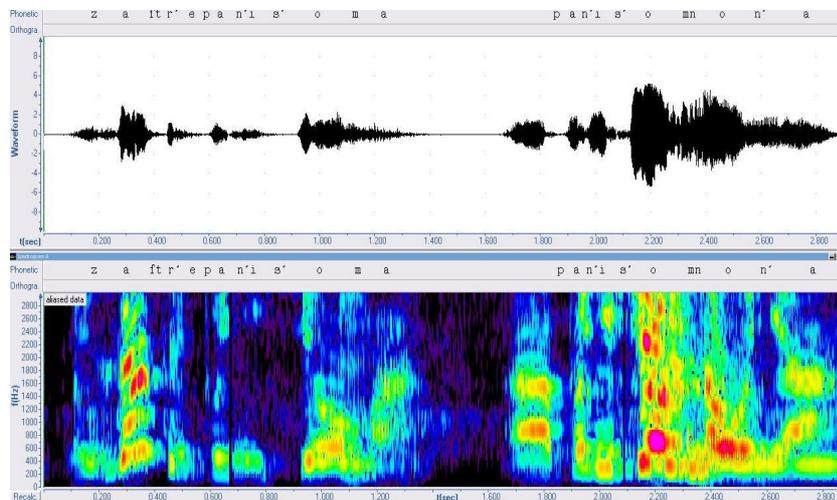

Рисунок 2.

Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слова *понесём* в конце синтагмы с нефонологическим гласным в конце слова (слева) и без гласного в неконечной позиции (справа). Диктор — Прасковья Трофимовна Попова, малограмотная, 1915 г. р.; запись И. А. Оссовецкого, июнь 1963 г.; шифр А-405 по каталогу Отдела фонетики ИРЯ РАН.

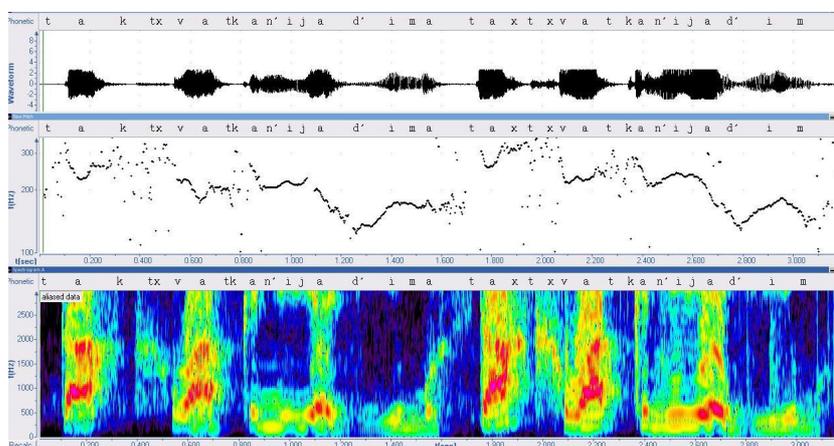

Рисунок 3.

Осциллограмма (вверху), интонограмма (в центре) и динамическая спектрограмма (внизу) двух синтагм *Так-то хватко не едим* из фразы *Так-то хватко не едим — старухи, так-то хватко не едим,* произнесенных с пограничным (ровным) тоном в конце неконечной синтагмы и нефонологическим гласным [a] в конце слова *едим* (слева) и без пограничного тона и без гласного в той же синтагме в конечной позиции во фразе (справа).

Диктор — Елизавета Максимовна Избенникова, неграмотная, 1901 г. р.; запись И. А. Оссовецкого, июнь 1963 г.; шифр А-400 по каталогу Отдела фонетики ИРЯ РАН.

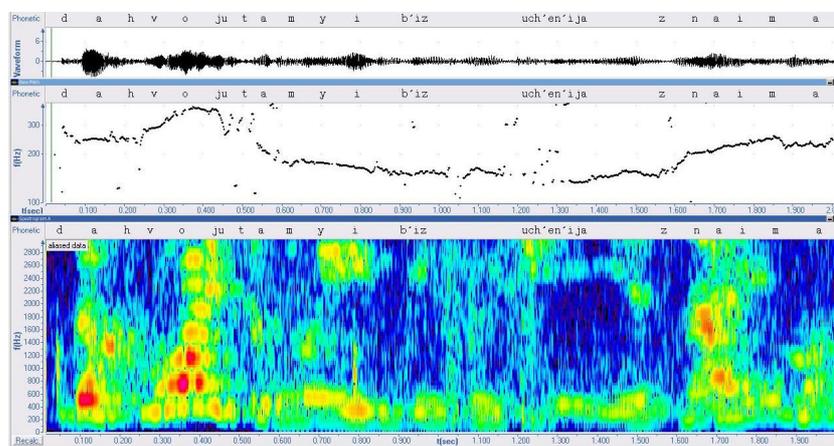

Рисунок 4.

Осциллограмма (вверху), интонограмма (в центре) и динамическая спектрограмма (внизу) неконечной синтагмы *Да хвою-то мы и без учения знаем,* произнесенной с пограничным (ровным) тоном в конце неконечной синтагмы и нефонологическим гласным [a] в конце слова *знаем*. Шифр А-402 по каталогу Отдела фонетики ИРЯ РАН.

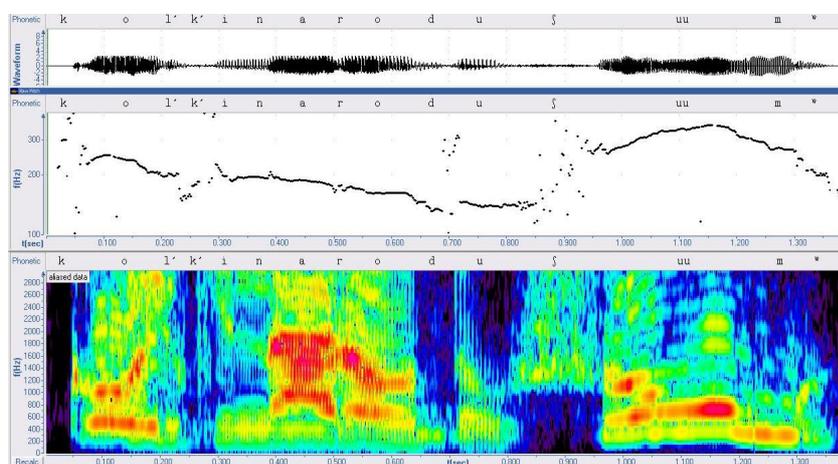

Рисунок 5.

Осциллограмма (вверху), интонограмма (в центре) и динамическая спектрограмма (внизу) фразы *Набегли, говорит, не весть кольки народу — шум!*, произнесенной с восходяще-нисходящим акцентом на слове шум и разомкнутым согласным с гласным призвуком в конце фразы. Диктор — Мария Павловна Ткачёва, неграмотная, 1887 г. р.; запись И. А. Оссоветацкого, июнь 1963 г.; шифр А-396 по каталогу Отдела фонетики ИРЯ РАН.

Приложение

Материал исследования.

Слова с конечными нефонологическими гласными в контекстах

*Д. Деудино Рязанского р-на Рязанской обл.
(Запись И. А. Оссоветацкого, июнь 1963)*

А-371 (дом, поросята, внуки).

Диктор Попова П. Т., 1915 г. р., 48 лет, малограмотная

- [пр'ишбл ад'ин плот'н'ик-та: / давай Паран'к' таб'э буд'има / М'ишка-т наш вьт мой т'п'ер' двајурн'ый бр'ат].
- [ну лан т'е / ја р'ь лан / мн'е уш мн'е н'и т'ираск'ь / мн'е хот' так хьт' кьк рам'ч'к'ь з'д'ельйт'а / фс'б фс'б з'д'ельима / ну и з'делаим ч'о ш / мьуарыш' вып'ил'и: / эта пр'ишл'и аш:б два плот'ника / вып'ьл'и мьуарыш' / пр'ишл'и ламат' / сламал'и / ана ў мн'е фс'а: / үн'илаја / н'и к ч'орту].
- [Паран'к' мы зам'ил'и:с' / а мн'е-т'ых жалка: / Ван'к'ьт пр'ийт' брат' / ну знайша / н'и тр'ас'ис' / мужык'и зам'ил'и:с' пьд'н'ас'и им / чаб ша / ну ды ладн'ь / пьд'н'асу / куды ш д'еца].
- [ну и үл'ат' и ббу дьл мн'е пастроил'и / пастроьл'ь / а крыт'-ть нам сьмайм'ь / да / сьмайм / уш тах-ть ш ууавар'ьвьл'ьс' крыт' сьмайма // наб'аул'и ка мн'е крыт' эт фс'э свай-та / как хьрашб мн'е / ср'аз пакрыл'и / скорь пакрыл'и].
- [да ч'б ш т'ип'ер' / пакудь стайт' / када уш мбжт' буду бауат'ь / то п'ьр'аложу / а уш мошт' н'а то и...бауат' т'ип'ер' ја думь н'а буд'иша//].
- [думьл'ь н'а выв'ьд'им / ну ббу дьл выв'ил'и / и ш'ас-ть нас'иль хбд'ут' / как эт'и / вбт'ы май прас'аты // ну үд'э ш т'ип'ер' бауат'-ть будиш'//].

7. [ја пр'ам н'а токмъ и фс'а измáблас' / ну н'ич'о н'ич'о н'ич'о **дъв'из'ом** **дъв'из'ом** / дътъ[нрзб.] пѣт'ихон'ич'къ / падахн'ит'а / и тада эта **дайд'ома** // **с'ад'ъм** / **падахн'ома** // ап'ет' н'имношч'къ пайд'омс'и / ана уш вот аста-льс' н'амношч'къ/].

A-378 (дети), A-379 (дети). Диктор Ткачева М. П., 1887 г. р., 76 лет, неграмотная

1. [бѣль у м'ин'е сашл'ис' **с'эм'и** / вóс'им' ч'илав'эк рѣд'ила //].
2. [мáт' тваја н'айд'ит' / а мы та и **пайд'эма** //].
3. [бал^б (бывало) хл'еп пр'ив'из'эш / и прадаш / и какуй-н'т' лахмотку-т мо-ш^бт' кúп^бш **пр'икрбиша** ... в'ѣт' тады-т н'а так-тъ хад'ил'и-та //].
4. [т'от / Мáш / м'ильйа / ды што ты кр'ич'иш? Дѣ раз'и мы т'ѣ **брóс'има**? Мы т'е н'и брóс'им / мы т'е ф ч'ом н'ибут' дѣ паждѣржым //].
5. [т'от / Мáш / рад'имъ / мы т'е аб'эх / и т'иб'е и Л'упку **зач'исл'има** // ну т'от Маш / вот хóш / мы т'ѣ з д'эфкѣй аб'эх зач'исл'им?].
6. [и ѡан'айус' **с'н'има** // ад'ин с'изон тол'к'ѣ ѡан'ала //]
7. [ја п'ен'з'ийу пълуч'айу / вот так пр'идут от **ч'авó-н'т'а** / и какуйу кап'ей-ку ѣт' ја с н'их н'и б'ару назат //].
8. [мы и муравл'ишк **пр'ин'ис'эма** / фс'о сажал'и / фс'о сажал'и / и фс'о у н'ей пашлó //].
9. [сказал'и дѣхтар'а-тъ / ѡр'ит' парок с'эрца у **н'эја** //].

A-387 (зять, дочери). Диктор Корнюшина Е. А., 1883 г. р., 80 лет, неграмотная

1. [пауад'и / ја н'икаму н'а скажу свайм д'ат'ам / **этайъ** / маскóѣскѣ дош'ир'и и **этай** / сашју ја јаму штаны //].
2. [фс'о он м'ин'е / када јез'д'ил'и в Р'азан' / с **уул'ом^б** // л'ес јез'д'ил'и върава-л'и / с' **л'эсам^б** // а м'ин'е зѣ сабоѣ фс'о таш:ит' и таш:ит' / а дом пустой //].
3. [а ш'о он ум'ейд' д'эл'т (?) / ой / ја р'ѣ **абуш'има** // м'ид'в'ад'а и то ја р'ѣ в Маскв'е ја в'ид'ѣла выламвѣют'].
4. [он м'ин'е **мá:тамъ** / эт мой хаз'аин / да].
5. [и вз'ала јао / ф Краснѣйу ѡбрк' пѣв'ан'ч'ала **иха** / фс'о как надат' //].
6. [тада он **пáјэхал^б** / и у н'ао рúк'и-т и задражал'и фс'е //].
7. [да какоѣ был пар'ин'-та / **зълатой** // пр'ам **зълатой** // хто умр'ет' фс'ем урабы **д'эльл^б** / фс'е кан'ушн'ѣ пад'элл ф калхóз'и //].

A-393 (переселение в Крым).

Диктор Тишкова А., 1918 г. р., 45 лет, малограмотная

1. [вот ѣш вот к н'им пр'идут'... к **н'има** / и нач'уйут' //].
2. [ды карм'ит' ч'о ш / мы ш'литáим штóл'и? / у м'ин'е / **ч'о ша** / анó и там нѣ стал'е / кашъ нѣвар'она у **н'иха** / и хл'еп он нѣ стал'е стáйт' / л'ажыт' / и млакó / и сáхър нѣ стал'е л'ажыт' у н'их и п'асóк / сáхърн п'асóк / а от фс'о с'уды и с'уды б'ауут' //].
3. [ну фстáн'т' / падаш јаму нап'ица /а ф т'имнатах-тъ **ч'аó ша** // дам јаму нап'иц: тут вот ув акóшч'ка **с н'има** //].
4. [он там знáйт' үд'е да **т'эха** дайт'ит'-та //].
5. [ид'ом / **пр'ихóд'ма** — к нáм знáч'т' пр'ијэхъл'и в'ирбавáт' //].
6. [ја сп'арвá **в'ид'ьш^а** как... ја выхад'ила **зáмуш^а**... мúш у м'ин'е из другова с'алá //].
7. [у: / куда **тама** нам //].
8. [н'амáль ср'ец **утрáт'има** //].
9. [са **мнóйа** мұж жаной / и ад'ин мал'ч'ишка //].
10. [пр'ишлóс'ѣ **нáм^б** //].

А-396 (убийца, шофёр, мост).

Диктор Ткачёва М. П., 1887 г. р., 76 лет, неграмотная

1. [ан'и фс'е над'ёлл'и **эт'ха**... **так'их**... пал'к как'их-ть / на пал'к'и на эт'и к'к п'ёршн'и на фс'е над'ёлл'и / и фс'ех з'авода л'асн'ич'ий раб'ч'их с'н'ал / фс'ех на м'ост /].
2. [наб'аул'и'и' увар'ит' кол'к'и нар'оду / **шум** / их в'ыт'ш:ил'и а маш'ина в р'и-к'е аста'льс' /].

А-399 (ответы на вопросы по лексике). Диктор Нелидкина К. Г.

1. [марк'оф' с'еил калх'ос / д'ь **марк'ов** кака'ь была //].

А-402 (пенсия, корова, болезнь).

Диктор Урускина А. А., 1893 г. р., 70 лет, неграмотная

1. [д'ь ит' а ты-та н'а **прыгаиш** / да н'а **прыгаим** / да и пл'ун' да и рук'ой махн'и / ул'упыч'эрт'и как'и'ь в'ид'иш /].
2. [нап'раб'ль н'ь кака'й-т на хвой / на ч'арт'ой / да хвой-та мы и б'из уч'ён'я **знаима** // и шт'ой-ть эт' направл'айут' так'их / в'ит' эт' ан'и м'оугут фс'е так п'лама'т' н'оу'и //].
3. [карт'ошка н'эту / **ч'абша** / карт'ошка н'ет увар'ит' у нас карт'ошка / давн'о /].

А-404 (ответы на вопросы по лексике).

Диктор Попова П. Т., 1915 г. р., 48 лет, малограмотная

1. [ну пайд'у там раб'отт' / н'ид'эл'и д'в'е п'раб'от'ийус'а / и ан'а: ну **ступайна**... ја и пашл'а //].

А-405 (рынок). Диктор Попова П. Т., 1915 г. р., 48 лет, малограмотная

1. [прих'одит **он** ... ја...].
2. [паран'к' / ... / ты ч'о д'ума'шь с прас'атым'ь-ть / ја р' ч'о ја д'ума'ю / заф'тр' и **п'н'ис'ома** / уш мош каво найм'ат' /].

А-407 (муж, работа, грибы).

Диктор Корнюшкина Е. А., 1883 г. р., 80 лет, неграмотная

1. [ст'ал'и јао спуска'т' / а раз'и он мал'ьн'к'ьй? / он пом'ир у м'ин'а н'и хва-рамши / был то'лстай / ул'атка'й **быль** // а он на с'им'ой д'ён' пом'ир //].
2. [Дун'а / как хо'ш увар'ит' / ш:ас (конта - ?) / а ф св'ат'ой ж'ыв **буд'има** / и ја тае п'мау'у //].
3. [хо'ш тако'й кан'ец / хо'ш тако'й-т / а хо'ш вот тако'й-та вот // как'и'ь **хоч'ьша** // па два'цэт' п'ат' урыб'ов у м'ин'а кан'цы //].
4. [у нас ја р' атвар'ива'ю **иха** / атвар'у **иха** / а пат'ом **иха** атм'оч'у / ан'и ж'об'тыи /] (*А как их мочат, ну вот расскажи!* — *Осс.*). [да ч'о казат' / атва-р'иш **иха** и ф кад'ч'ку //].
5. [зал'ивайут' эта с'ил'отку **има** // да ч'о / ей бо'уу / и в урыб'ы л'жут' /].
6. [жб'ан аш'о атв'азл'а **има** // эт ан'и сам'и куша'ют' / н'и прада'ют' /].
7. [в ысп'ят п'крупн'ей / нав'ер'х п'м'ил'ч'ей **н'и'жыма** //].
8. [эт'вь ч'илав'ек шумн'ул'и / и на эт' м'есть ап'ет' јао пастав'ил'и / гд'е он л'ажал' // и эта ... //].
9. [иш:о тут свайх двух шумн'у ја л'уд'ейна // ст'ал'и јао спуска'т' //].
10. [брал'и тап'ор / н'ет **лом** // лом'ьм п'ьдаткн'ула / он ыш':и пах / ур'оп-та /].
11. [над'ь был'ь мал'ин'к'ий р'иб'он'ьк пом'ир-та / нада уб'ит' тапар'ом да и **ломам** з'эмл'у прарубат'-та //].
12. [н'ьмата'ю јао **матком** / и разре'жу //].

13. [тр'и даск'и / а на эт'и д'оск'и үв'оз'д'и **наб'јом наб'јом** / үв'оз'д'и / а на эт'и үв'оз'д'и иш:'о р'ат //]. (Ну! — Осс.). [**нат'оп'има** /] (Ну! — Осс.). [и н'са-ж'аим туды пална п'эч' /] (Что, прямо так на под? — Осс.). [на п'от / з'ьм'ит'ом **п'ьм'алом'** /] (Ну! — Осс.). [и на п'от **саж'аима** / а јел' вот ну са-ж'айу ја вот дв'ои пр'ин'асут'-та //].
14. [пайд'ем ја р' Ив'ан Аб'рам'ф **п'ир'ар'оима** / как ја р' **пир'ар'оим?** / ч'о ја с' н'им ја р' з'д'елайу с так'им жыр'ап'ом ја үвар'у //].

A-408 (ответы на вопросы по лексике).

Диктор Избенникова Е. М., 1901 г. р., 62 года, неграмотная

1. [б'ис кварт'иры в'итаит' / ч'о он тама в'итаит' / ну / ж'ыд'бы нада д'ома // ч'о ты там **в'итаиша** ж'ыв'ош // ф ч'уж'ых л'уд'ах / пр'им'ерна вот пр'и-јед'иш вот и ја скажу / ч'о ты там в'итаиш // да и можна д'ома ж'ыт' ба //].

A-416 (родственники).

Диктор Избенникова Е. М., 1901 г. р., 62 года, неграмотная

1. [н'эт н'эт н'эт н'эт / **он'** / он знач'ит' / он с эт'ай ж'ын'ой-т' ја н'а знају / н'и разв'ол'с'и /].

A-418 (ответы на вопросы, соседи).

Диктор Избенникова Е. М., 1901 г. р., 62 года, неграмотная

1. [б'ир'ук так т'обы в'олка зав'ом / в'олк / ... / махан'к'их **пу'аима** / б'ир'ук / сматр'и б'ир'ук / в'олк / в'олк //].

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова Е. А.* Анализ русской диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Будде Е. Ф.* К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
- Высотский С. С.* Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах // Бюллетень диалектологического сектора ИРЯ АН СССР. 1949. Вып. 6.
- Высотский С. С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Залеский А. М.* Прослідки зредукованих голосних у слабкій позиції в українській мові // Мовознавство. Київ, 1986. № 6.
- Каринский Н. М.* Очерки языка русских крестьян (говор деревни Ванилово): По материалам экспедиции Института языка и мышления 1932 г. М; Л., 1936.
- Касаткин Л. Л.* Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка // Индоевропеистика. Славистика. Русистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Князев С. В., Левина А. Н., Пожарицкая С. К.* О говорах Верхней Пинеги и Выи // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Выпуск VII. МГУ, 1997.
- Кодзасов С. В.* Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973.
- Кодзасов С. В.* О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание: просодия. М., 1989.
- Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. Вып. 2. М., 1995.

- Кодзасов С. В.* Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М., 1996а.
- Кодзасов С. В.* Просодические классы слов в русском языке // Просодический строй русской речи. М., 1996б.
- Кодзасов С. В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. Вып. 3. М., 1999.
- Кодзасов С. В.* Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на материале говора с. Деулино Рязанской области) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы научной конференции. 29 мая — 2 июня 2000 г., Москва. 2000.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Современная американская фонология. М., 1981.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
- Кривнова О. Ф.* Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2007а.
- Кривнова О. Ф.* Фактор речевого дыхания в интонационно-паузальном членении речи // Лингвистическая полифония: Сборник статей в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой / Отв. ред. чл.-корр. РАН В. А. Виноградов. М., 2007б.
- Кузнецов П. С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М., 1949.
- Пауфошима Р. Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
- Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Чекмонас В.* «Слоговые интонации» и длительности безударных гласных в говоре д. Деулино // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993.
- Lindquist J.* Laryngeal articulation studied on swedish subjects. STL-QPSR, 1972, № 2–3.
- Pierrehumbert J.* The Phonology and Phonetics of English Intonation. PhD thesis, MIT. 1980.